

В галерее С. И. Щукина в Москве

В течение нескольких лет перед революцией галерея С. И. Щукина была открыта для публики. Никаких объявлений об этом не делалось, у подъезда даже не было музейной вывески, тем не менее весть о том, что хозяин радостно принимает всех гостей, быстро облетела культурные слои общества. Вход был бесплатный. Сначала галерея была открыта по воскресеньям.

Возможность увидеть новую живопись, о которой было известно лишь из книг, радостно настроило меня, и я тотчас туда побежал. Публики было немного, картины волновали меня. Их обаяние создавало особое настроение у посетителей, тот творческий подъем, который наблюдается на вернисажах любимых и талантливых мастеров.

Я провел там целый день, буквально зачарованный красотой полотен. Здесь я впервые почувствовал стихию красок, их душу и силу.

Я стал частым гостем галереи. Однажды в уголке гоеновского зала я увидел невысокого седого мужчину, который что-то говорил пяти-шести посетителям. Я остановился и услышал рассказ про

отдельных французских мастеров. Из его слов стало ясно, что это был сам Щукин. Рассказывал он очень охотно, увлекаясь, вспоминая Париж, встречи с художниками, их облик, разговоры с ними, посещения их мастерских. После этого я каждый раз приходил в музей, искал хозяина и слушал его живой талантливый рассказ. Щукин уже знал меня и, видимо, был доволен, что несколько таких посетителей, как я, так горячо воспринимают его повествования и задают ему вопросы.

Помню рассказ Щукина о его заказе Матиссу двух панно для лестницы, которая вела из передней на второй этаж в галерею. Это — общеизвестные работы «Танец» и «Музыка» были повешены на стенах лестницы, которая посередине под прямым углом поворачивала вверх. Тот, кто поднимался по ней, неминуемо должен был видеть перед собой «Танец», а слева «Музыку». Щукин говорил, что повешенный в этом месте «Танец» своим вихревым возбужденным движением помогает ему легче всходить по ступеням и как бы возносит его. Глядя на «Танец», он иногда совсем не заме-

Мастер и Маргарита (окончание)

ли он другом матери? Когда я начинал об этом разговор с человеком, близко знавшим Михаила Михайловича, тот отводил в сторону глаза и начинал говорить о другом, как бы не расслышав моего вопроса...

Пуленька, Мария Михайловна, вышла за Александра Фидлера, сына владельца известной московской гимназии. Эмигрировала, жила в Берлине, где занималась преподаванием музыки (она пользовалась успехом как бывшая ученица профессора Шнабеля). С приходом к власти Гитлера ей пришлось бежать из Германии (по чьему-то доносу гестапо обнаружило у ней примесь еврейской крови). После долгих мытарств она оказалась в США, где ей, уже пожилой, пришлось сдавать какой-то очень тяжелый экзамен на право преподавания в колледже. У нее было две дочери и сын. Умерла в 60-х годах.

Революцию она (Маргарита Кирилловна — *Ред.*) приняла как должное, разделив все тяготы первых лет с народом, ни-

куда из Москвы не выезжая. Дом в Мертвом переулке был в 1918 году национализирован. Оставшиеся картины она передала в Третьяковскую галерею, а сам дом занял Отдел по делам музеев при Наркомпросе.

До начала 30-х годов Маргарита Кирилловна продолжала жить в этом доме, занимая в подвале несколько комнат. По словам человека, посетившего ее тогда, «у нее там было очень уютно».

Потом ей пришлось жить за городом, снимая комнату. В конце 40-х годов Советское правительство назначило ей пенсию, а вскоре и предоставило комнату в одном из новых домов около университета, где она и жила с сестрой Еленой Кирилловной последнее время.

Умерла она 3 октября 1958 года от инсульта. Похоронена на Немецком кладбище, на своем фамильном участке, недалеко от монумента своего деда Отто Антона Левенштайна...

чает, как поднимается на второй этаж.

Щукин любезно принимал всех гостей и, конечно, бывал очень доволен, когда его галерею посещали и ценили известные художники. Однако среди них было немало таких, которые принципиально не шли в этот музей по идейным соображениям, во главе их был И. Е. Репин, который, по рассказу Щукина, все же однажды поддался уговору друзей. Они предупредили об этом хозяина галереи, который выразил самое теплое желание увидеть у себя Илью Ефимовича.

«Я встретил Репина, — говорил Щукин, — наверху на лестнице, и мы вместе вошли в первую комнату, увешанную полотнами Матисса. Войдя в этот зал, я заметил, что лицо Репина исказилось и приняло выражение мученичества и враждебности, он бросил исподлобья беглый взгляд на одну-две стены и не стал даже рассматривать картины, он вдруг судорожно схватился руками за голову и, ничего не видя перед собой, молча бросился стремглав из зала, побегал по лестнице вниз и выскочил вон из музея. Никогда более он сюда не являлся».

С. И. Щукин однажды вспоминал о приезде Матисса в Москву в 1911 году. При посещении Третьяковской галереи Матисс был поражен нашей древнейшей живописью, он подолгу стоял перед иконами в самом буквальном смысле слова потрясенный.

Раз его внимание привлекла одна икона, которую он очень долго и взволнованно разглядывал, думал о ней, наконец, произнес: «Я 10 лет искал того, что Ваши художники открыли еще в XIV веке. Не вам надо ездить учиться к нам, а нам надо учиться у вас». В тот период Матисс был одним из самых любимых художников С. И. Щукина.

Спустя много времени после этой беседы я слышал рассказ о Пикассо. «Я не любил этого мастера, — говорил Щукин, — и не покупал его картины. У меня была уже большая коллекция работ разных художников, но Пикассо не было. Друзья говорили мне, чтоб я купил хоть одно его полотно для полноты коллекции, но я продолжал воздерживаться. Однако им как-то удалось меня уговорить, тем более что кто-то дешево продавал одну картину Пикассо. Когда я привез ее в Москву, то долго не вешал на стену, я понимал, что в моей галерее ее не с кем вешать рядом, она враждовала со всеми и вносила резкий диссонанс во все собрание. Наконец я повесил ее недалеко от входной двери, в полутемном коридоре, в котором не было никаких более картин.

По этому коридору мне каждый день приходилось проходить в столовую к обеду. И вот, проходя мимо картины, я невольно бросал иногда на нее взгляд. Через некоторое время это стало входить в привычку,

Анри Матисс. Славянская блузка.
1936. ГМИИ (Москва)

ку, и я стал также бессознательно, на ходу смотреть на нее ежедневно. Прошел приблизительно месяц, и я стал сознавать, что, не взглянув на картину, чувствую себя за обедом не по себе, мне чего-то не хватало. Тогда я начал глядеть на нее дольше, у меня было от нее такое ощущение, точно я набрал в рот куски битого стекла. И вместе с тем я уже стал смотреть на нее не только, идя обедать, но и в другое время.

И вот в один день я ужаснулся, я почувствовал в картине, несмотря на то, что она была бессюжетна, железный стержень, твердость, силу. Я ужаснулся, так как все остальные картины моей галереи вдруг стали мне казаться без стержня, точно сделанными из ваты, и, что самое страшное, мне не хотелось более видеть их, они стали для меня неинтересными и бессмысленными.

Я купил вторую картину Пикассо. Я уже чувствовал, что не могу без него. Я купил еще... Он овладел мною окончательно, и я стал покупать картину за картиной и не смотрел более ни на какого художника. Таким образом, в галерее получилась 51 картина Пикассо, во много раз больше каждого другого мастера.

Говоря о Пикассо, Щукин не говорил, что испытывает от его работ восхищение или что он лучше всех, нет, он говорил, что Пикассо овладел им, точно это был гипноз или магия.

ЦГАЛИ, ф. 2850, оп. 1, ед. хр. 9.